

© 2010 г. А. Н. АНДРЕЕВ *

КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО

в конце XVIII – начале XIX века (по мемуарам В.Н. Головиной)

При рассмотрении вопроса о влиянии французской знати и эмигрантского духовенства на духовный облик русской аристократии, записки гр. В.Н. Головиной (1766–1821)¹ имеют первостепенное значение. Во-первых, в воспоминаниях графини содержится масса фактической информации о связях петербургского и московского высшего общества с эмигрантскими кругами, позволяющая оценить вклад некоторых знатных французских персон (в частности, принцессы Луизы де Латремойль де Тарант) в дело католического прозелитизма. Во-вторых, записки Головиной являются выдающимся памятником отечественной мемуарной литературы начала XIX столетия, демонстрирующим некоторые особенности восприятия католицизма частью русской аристократии. Записки помогают понять истоки и определить формы римско-католического влияния на русское дворянство в конце XVIII – начале XIX в.

Мемуары В.Н. Головиной были известны уже младшим ее современникам – в течение XIX столетия они распространялись на французском языке (языке оригинала) в многочисленных рукописных копиях. Головина была одной из образованнейших женщин России конца XVIII в., занимала до воцарения Павла I высокое положение при дворе и в своих записках многое рассказала о российской придворной жизни Екатерининского, Павловского и Александровского царствований. Впервые воспоминания Головиной были переведены на русский язык и опубликованы в журнале «Исторический вестник» в конце XIX в.² Подготовку к изданию осуществил Е.С. Шумигорский, одновременно выступивший и первым исследователем биографии Головиной³. Вслед за этим отдельное и более полное издание мемуаров было осуществлено К. Валишевским, присовокупившим к воспоминаниям собственное предисловие с биографическими сведениями о семье Голицыных-Головиных⁴. До недавнего времени воспоминания графини использовались лишь относительно узким кругом специалистов по истории культуры и общественной жизни России рубежа XVIII–XIX столетия⁵. Сейчас интерес к мемуарному наследию Головиной возрождается в связи с предпринятыми переизданиями ее автобиографического повествования⁶. Вместе с тем подробный анализ воспоминаний Головиной как исторического источника по проблеме конфессионального влияния французской эмиграции на представителей русской аристократии, отражающего некоторые модели восприятия западного христианства общественным сознанием в России рубежа XVIII–XIX вв., в данной статье предпринимается впервые.

Варвара Николаевна Головина, урожденная Голицына, стала одной из многочисленных католических прозелиток, принявших римский католицизм под влиянием эмиграционной волны из революционной Франции. Установлено, что в XVIII в. в силу европеизации социокультурного пространства России произошла переориентация дворянского сознания на благожелательное и уважительное отношение к католицизму⁷. Это, бесспорно, стало главным фактором конфессионального влияния эмиграции на

* Андреев Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Южно- Уральского государственного университета.

представителей высшего сословия в России. Однако исследование случаев латинского конвертизма среди русского дворянства конца XVIII – начала XIX вв. показывает, что обращению в католичество во многом способствовали личные неудачи и трудности, трагические семейные обстоятельства потенциальных прозелитов⁸. Например, кн. А.П. Голицына, урожденная Протасова, жена шталмейстера и сенатора кн. А.А. Голицына, в 1800 г. лишилась своего мужа и в том же году нашла утешение в католицизме, отступив от православия⁹. Ее обращение произошло под влиянием французского эмигрантского священника аббата Сюррюга, а также при посредничестве шевалье Доминика д'Огарда, статского советника и вице-директора Императорских библиотек в России, главного помощника гр. Мари-Габриеля Шуазель-Гуфье в делах их управления¹⁰. Сестра А.П. Голицыной, гр. Е.П. Ростопчина, урожденная Протасова, жена известного московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина, приняла католицизм около 1802 г. под влиянием французских проповедников в России, а также под воздействием своей сестры¹¹. К этой же группе русских прозелитов, наряду с другими католичками (младшими сестрами Ростопчиной кн. В.П. Васильчиковой и гр. В.П. Протасовой, а также гр. А.И. Толстой, С.П. Свечиной и др.), принадлежала и В.Н. Головина¹².

Головина, входившая в круг лиц, близких Екатерине II, имевшая дружеские связи с вел. кн. Елизаветой Алексеевной, женой вел. кн. Александра Павловича, находилась в центре придворной жизни конца Екатерининского царствования. Однако в правление Павла I придворные интриги привели к удалению семейства Головиных от двора, а также к разрыву в отношениях между вел. кн. Елизаветой Алексеевной и Варварой Головиной, по поводу чего автор воспоминаний искренне скорбела всю свою жизнь. В семье Голицыных начались раздоры из-за наследства умершего в 1798 г. И.И. Шувалова, вызвавшие судебные разбирательства (Варвара Николаевна родилась в семье генерал-поручика Н.Ф. Голицына и П.И. Шуваловой, родной сестры знаменитого елизаветинского фаворита)¹³. Неудачи и сложные жизненные обстоятельства, семейные трагедии, одиночество и непонимание со стороны супруга Н.Н. Головина способствовали духовным поискам В.Н. Головиной, приведшим ее к отходу от православия. По натуре женщина очень чувствительная и ранимая, Головина «окружила себя тогда французскими эмигрантами и иезуитами и в их обществе искала утешения в постигших ее невзгодах»¹⁴. Не случайно Е.С. Шумигорский характеризовал В.Н. Головину как очень умного и образованного, но нервного и восприимчивого человека, полагая, что графиня принадлежала к типу «прекраснодушных» русских женщин второй половины XVIII в., «создававших себе религию сердца и жаждавших правды и чистой нежной любви»¹⁵. Шумигорский красноречиво сумел передать обстановку обращений в католичество в рассматриваемый период, рассуждая о двух «дисциплинах», сильнейшим образом повлиявших на состояние умов русских прозелиток: «Дисциплинами этими явились роялизм и католицизм, представители которых, эмигранты и иезуиты, в нашем офранцузенном обществе были своими людьми, находя себе в нем вторую Францию. Воспитание, вся светская обстановка русских прозелиток была воспроизведением жизни французского общества времен Людовика XVI – это был век пудры, век декламации, век роскошных, изящных подделок под природу, возбуждавших в сентиментальных душах возвышенные чувства, утонченные ощущения. ... С этой эстетической точки зрения, усвоение идеи роялизма и католицизма также облегчалось для наших аристократических прозелиток: они заслушивались элегантных эмигрантов, красиво излагавших повесть о своих страданиях за верность королю, претерпленных ими от революционных кровопийц и извергов; они преклонялись пред патером-иезуитом, который, будучи по образованию и воспитанию своим человеком в аристократическом кружке, вел с ними религиозные беседы на французском языке, со всею присущею католицизму театральностью: русский “поп”, мало чем отличавшийся тогда от простого мужика, был, конечно, чересчур яркой противоположностью отцу-иезуиту. Красот русского духа, прикрытых внешним русским убожеством, не знали и не понимали; зато казалось вполне понятным воплощение монархической идеи в речах эмигрантов, и единение с Богом – в сладких, иногда торжественных проповедях иезуитов. Отто-

го более восприимчивые, более нервные и, быть может, более даровитые натуры из русских женщин высшего общества и сделались жертвами иезуитской пропаганды»¹⁶. Мнение историка полностью совпадает с мнением современников, которые отмечали, что Головина была женщиной «умной, чуткой, восторженной, очень талантливой и любившей искусство»¹⁷.

Связи В.Н. Головиной с французскими эмигрантами установились еще в доме ее дяди И.И. Шувалова, основавшего салон, в котором бежавшие из Франции роялисты находили себе пристанище¹⁸. Головина фактически играла роль хозяйки этого салона. И.Ф. Тимковский, товарищ генерал-прокурора кн. А.Б. Куракина, живший в доме И.И. Шувалова в последний год его жизни, отмечал, что частым посетителем Шуваловых и Головиных был «Шевалье Гогар (д'Огард. – А.А.), из наплывшего множества французских эмигрантов»¹⁹, один из активных распространителей католицизма в России, «под личиной веселого светского болтуна умевший выведывать почву и заручиться расположением влиятельных лиц»²⁰. Здесь же, в доме И.И. Шувалова, Головина близко познакомилась с Луизой де Латремойль де Шатильон, принцессой де Тарант, дочерью последнего герцога де Шатильон, бывшей статс-дамой французской королевы Марии-Антуанетты. Под непосредственным влиянием принцессы де Тарант Головина и дамы из ее окружения прониклись симпатией к католицизму, о чем красноречиво говорит тон и характер записок Головиной.

Дружеские взаимоотношения Тарантской принцессы с русскими аристократическими домами, способствовавшие разнообразному влиянию принцессы на их жизнь, установились задолго до ее приезда в Петербург. Имея в виду активную позицию де Тарант в религиозных вопросах, ее «фанатизм роялистский и католический»²¹, можно предположить, что принцесса не могла равнодушно взирать на «духовную гибель» своих русских друзей вследствие их вероисповедных «заблуждений». Скрытый прозелитизм принцессы де Тарант, ее связи с русской аристократией и эмигрантским духовенством в России косвенным образом подтверждаются письмом кн. Н.П. Голицыной знаменитой «*La princesse Moustache*». Н.П. Голицына в дружеском письме, написанном 1 июля 1796 г. в Петербурге и адресованном неизвестной даме, упоминала о заинтересованности этой дамы в делах одной уважаемой русской семьи, а также о попытках некоего аббата Лавуазье в России «замять об этой семье толки»²². Сложно сказать, о какой именно семье шла речь, однако посредничество аббата Лавуазье свидетельствует о крепнущих духовных и политических связях русского дворянства с французскими католическими кругами. По-видимому, той неизвестной дамой, которой было адресовано письмо Н.П. Голицыной, и была принцесса де Тарант. Об этом свидетельствуют следующие факты. Во-первых, Голицына именует свою корреспондентку «мадам герцогиней», что соответствует одному из титулов принцессы де Тарант. Во-вторых, Голицына упоминает о добрых поступках по отношению к ней матери и бабушки «мадам герцогини»²³, а обе герцогини де Лавальер, мать и бабушка принцессы де Тарант, своими приемами во многом определяли придворную жизнь Франции эпохи Людовика XVI. Кн. Н.П. Голицына, будучи дочерью известного дипломата П.Г. Чернышева, русского посла во Франции в 1760–1762 гг., с 1784 г. (по другим данным – с 1786 г.) проживавшая вместе с семьей в Париже, не могла избежать знакомства с обеими герцогинями де Лавальер²⁴. В-третьих, Н.П. Голицына упоминает о переговорах с русской императрицей о судьбе «несчастной герцогини», о посредничестве в этом гр. Валентина Эстергази, служившего в 1796 г. чрезвычайным и полномочным послом королевского правительства Людовика XVIII в России: «Я вижу часто аббата Лавуазье, сударыня, с которым наши переговоры все более обращаются против ваших несчастий. Он рассказывал мне о проекте, который вы изволили представить императрице. ... Господин аббат Лавуазье ко всему прочему сказал, что он вам уже сообщил о беседе, которую он имел с господином Эстергази»²⁵. Известно, что именно в это время по настоянию кн. Павла Петровича и его супруги Марии, хорошо знакомых со старшей герцогиней де Лавальер, правительство пригласило принцессу де Тарант на жительство в Россию. Де Тарант к тому времени (с 1793 г.) находилась в изгнании в Лондоне и уже стала известной

в светских салонах, благодаря своей способности стоически переносить несчастья и скорби, обрушившиеся на нее вместе с гибелью французской венценосной четы²⁶. С развитием революционных событий Н.П. Голицына также выехала из Парижа и находилась в Лондоне с июня 1789 г. по февраль 1790 г., после чего возвратилась в Россию²⁷. Этот факт не исключает общих английских знакомых Голицыной и де Тарант, о которых упоминается в письме.

Вскоре по прибытии в Россию, 20 июля 1797 г., Луиза де Тарант была пожалована в статс-дамы, что позволило ей упрочить свое положение при русском дворе²⁸. Практически сразу де Тарант в качестве почетной гостьи сумела прочно обосноваться в семействе И.И. Шувалова и Головиных, чему способствовало давнее знакомство Шувалова с семьей де Тарант (Головина писала, что ее дядя был очень хорошо знаком с бабушкой де Тарант и часто говорил со своими домашними о семействе де Лавальер и де Тарант с особым чувством)²⁹. И.И. Шувалов поддерживал отношения со многими французскими дворянами, давая им прибежище, однако именно Тарантская принцесса вскоре стала духовным лидером в его доме, играя большую роль в «деле распространения католицизма среди русских барынь»³⁰. После смерти Шувалова влияние де Тарант на В.Н. Головину стало абсолютным. Интересен в данном отношении отзыв И.Ф. Тимковского об обстановке в доме Шуваловых-Голицыных сразу после смерти бывшего елизаветинского фаворита: «В той большой гостиной и столовой уже дамское общество взяло свой перевес. Из гостей, кроме родства, там бывали эмигрантки. В них особенно была отлична графиня de Tarente, дама умная, сведущая, интересная, которой несчастье изгнанницы придавало достоинство»³¹.

Вскоре между де Тарант и Головиной установилась крепкая дружба, не исключавшая глубокого почтения со стороны Головиной, подчинившейся нравственному руководству решительной и твердой принцессы, фанатичной католички, которую современники характеризовали как «пожилую женщину, несколько отталкивающей наружности, закаленную революцией»³². Де Тарант поселилась у Головиной, превратив дом последней в центр католической пропаганды³³. Вместе с Головиной и ее подругой А.И. Толстой де Тарант проживала летом 1798 г. в деревне на Петергофской дороге, где уже готовилось отступление двух подруг от православия, произошедшее через два года³⁴.

В своих воспоминаниях В.Н. Головина не указывает время и обстоятельства своего обращения в римскую веру, как и обстоятельства обращений других католических прозелитов из русского общества, избегая даже упоминания о факте переходов в католицизм. Это было связано с тем, что отказ от православия в рассматриваемый период расценивался как серьезное государственное преступление, часто влекущее за собой ссылку и тюремное заключение даже для представителей знатных родов³⁵. Тайные русские католики и католички были вынуждены внешне оставаться православными. Гр. Л.А. Ростопчина, например, описывая семейную хронику конца XVIII и начала XIX в., особый акцент делала на тайном характере обращений в католичество своих знатных предков, указывая, что внешне они продолжали соблюдать православную обрядность³⁶. Вместе с тем текст записок Головиной не оставляет сомнений относительно ее конфессиональной принадлежности.

Воспоминания Головиной во многом позволяют осмыслить истоки ее устремлений к католическому вероисповеданию. Головина предстает со страниц своих записок человеком крайне эмоциональным с ярко выраженным, обостренным религиозным чувством. Так, православная заупокойная служба по императрице Екатерине II имела сильное воздействие на автора записок. «Когда началась служба, – писала Головина, – она подняла мое мужество, смягчая сердце. Божественные слова Евангелия проникали мне в душу. Все казалось мне ничтожным вокруг меня. Бог был в моей душе и смерть перед глазами»³⁷. В то же время придворные православные богослужения в представлении католички Головиной, занятой рефлексией своего религиозного опыта, теряли собственно православную специфику. В ее сознании происходило фантастическое смешение католического и православного культа в своего рода единую «истинную» христианскую религию, наблюдался синтез двух вероисповедных традиций. Об этом,

в частности, говорит отсутствие у автора, к моменту написания своих воспоминаний уже принявшей латинское крещение, сомнений в истинности и богоугодности православных обрядов и молитв³⁸. Об этом же свидетельствует и использование Головиной латинских церковных терминов при описании различных обрядов в богослужебной практике Русской православной церкви: катафалк с гробом императрицы в траурных церемониях называется *Castrum doloris* («последнее скорбное пристанище»), православный благодарственный молебен воспринимается как аналог римско-католического *Te Deum*³⁹. Из записок Головиной можно подумать, что коронация Павла I, произошедшая 5 апреля 1797 г. в Успенском соборе Кремля, была совершена не в православном храме, а в римско-католическом костеле: «После обедни, причастия, коронования и *Te Deum* император приказал прочесть громким голосом у подножия возвышения, где стоял его трон, Акт о престолонаследии»⁴⁰.

Влияние принцессы де Тарант на религиозное мировоззрение Головиной прослеживается практически в каждой главе мемуарного источника. Автор воспоминаний не акцентирует внимание собственно на религиозном характере влияния, повествуя о доверительных отношениях с принцессой, о крепкой дружбе, доходящей до самопожертвования. Однако именно новое понимание дружбы, установившееся в русском обществе в последней трети XVIII в., подразумевавшее духовную близость⁴¹, способствовало религиозному влиянию французской герцогини на Головину. В дни семейных горестей или нездоровья, а также во время ожесточенных придворных интриг против Головиной, принцесса де Тарант неизменно оказывала подруге поддержку и заботу, находя путь к ее уму и сердцу⁴². Вместе с тем поведение и слова принцессы де Тарант, пример ее личного благочестия и молитв имели сильное воздействие на Головину и ее домочадцев. Не случайно Головина, описывая последние минуты жизни де Тарант, называла ложе принцессы «святилищем религии и страданий», обращала внимание на «святую покорность» принцессы, ее «несравнимое благочестие», выражала горячую благодарность своей подруге за ее «умственные» молитвы⁴³. Принцесса де Тарант также способствовала укоренению католических традиций в семье Головиной – после смерти принцессы младшая дочь Варвары Николаевны Елизавета какое-то время пользовалась молитвенником г-жи де Тарант, находя в нем утешительные молитвы для своей матери⁴⁴. Обе дочери Головиной – Прасковья и Елизавета – стали католичками и в дальнейшем вышли замуж за поляков латинского вероисповедания (старшая – за гр. Я.М. Фредро, младшая – за гр. Л.С. Потоцкого)⁴⁵. Современники свидетельствовали: «Влияние де Тарант в доме Головиной сделалось так велико, что, по отзыву самих иезуитов, дочери Головиной относились к ней так же, как и к матери. Мужья, в большинстве случаев зараженные “вольтерьянством”, обыкновенно смотрели на религиозную горячку своих жен с насмешливым равнодушием, не замечая, что их дети также становились чужды своему отечеству»⁴⁶.

В круг общения Головиной и г-жи де Тарант входили их общие подруги – А.И. Толстая, дочь кн. И.С. Барятинского и кн. Е.П. Голштейн-Бек, а также С.П. Свечина (1782–1857), урожденная Соймонова, жена генерала Н.С. Свечина. Вероятно, Толстая и Свечина приняли католическую веру (или были подготовлены к ее принятию) под нравственным руководством французской принцессы, поскольку они проводили много времени с де Тарант, путешествуя с ней, совершая совместные прогулки, занимаясь чтением книг⁴⁷. Не случайно Толстая и Головина стремились к тому, чтобы их дружба была «основана только на религии», чтобы сам «Бог благословил ее»⁴⁸. Показательно, что дети гр. Толстой, наряду с князьями Вяземскими и Севериными, обучались в петербургском иезуитском коллегиуме, устроенном в 1803 г. при католической церкви св. Екатерины Александрийской⁴⁹. А.И. Толстая материально поддерживала коллегиум, участвовала в жизни его воспитанников. Мемуары Головиной доказывают, что коллегиум имел в начале XIX в. большую популярность при дворе, поскольку даже российская императрица навещала это учебное заведение: «На Рождество Толстая устроила угощение для детей пансиона иезуитов, где воспитывались оба ее сына. Императрица пожелала там присутствовать, так же как и герцогиня Виртембергская»⁵⁰.

Обращение Головиной, Толстой и Свечиной в католицизм совершилось не только в результате тесного общения с де Тарант, но и под влиянием прозелитической деятельности французского эмигранта и тайного иезуита шевалье Доминика д'Огарда⁵¹. Шевалье являлся одним из самых способных учеников знаменитого французского проповедника-иезуита Борегарда и активно использовал иезуитские методы в деле распространения католицизма в салонах русских вельмож – Голицыных, Нарышкиных и Гагариных⁵². Д'Огард был вызван в Россию в 1791 г. по рекомендации французских принцев и снабжен Екатериной II деньгами на проезд. С.П. Свечина в письме к иезуиту И.С. Гагарину так писала о деятельности шевалье в России: «Честь введения католицизма между русскими принадлежит кавалеру д'Огарду, старому кавалеру св. Людовика. Все дело зависело от начала. Когда не только осуществление предприятия, но даже мысль о нем и желание осуществить его казались нелепыми и невозможными, тогда ум, исполненный веры, не только думал о нем, но и осуществлял его. Граф де Местр был великим деятелем в распространении латинства в России, но не первый»⁵³. В исторической литературе давно уже было высказано предположение, что обращение в католичество кн. А.П. Голицыной, повлекшее за собой целую волну латинского конвертизма, состоялось при посредничестве шевалье д'Огарда⁵⁴. Мемуары Головиной дают представление о характере шевалье и о его деятельности в русских салонах, показывают его веселым, полным искрометного юмора светским человеком: «Несмотря на печаль, как казалось, вполне завладевшую моим существом, – писала Головина, – бывали минуты, когда я не могла удержаться, чтобы не разделять добродушной, милой веселости, возбуждаемой Шевалье д'Огардом»⁵⁵. Головина охарактеризовала д'Огарда как «почтенного старика, друга Елизаветы, сестры Людовика XVI, члена христианского общества, боровшегося с новой философией»⁵⁶.

Латинский духовник В.Н. Головиной и А.И. Толстой, несомненно, должен был быть хорошо знаком принцессе де Тарант и связан с французской эмигрантской средой. В воспоминаниях Головиной есть лишь одно указание на обращение гр. Толстой к своему духовному отцу (и ни одного указания на обращение к духовнику самой Головиной), однако имя этого священника не упоминается⁵⁷. В дальнейшем семью Головиных навещал и духовно поддерживал иезуит Жан Розавен – он исповедовал умиравшую в 1814 г. в доме Головиной принцессу де Тарант, он же служил панихиду по принцессе⁵⁸. Из частично опубликованной польской исследовательницей Р. Ханковска «Ведомости о коллегиях, резиденциях и миссиях ордена иезуитов», поданной в духовную консисторию Римско-католической могильской митрополии 22 октября 1811 г., можно узнать послужной список о. Розавена. Ксендз Жан (Ян) Розавен был священником петербургской церкви св. Екатерины; одновременно являлся профессором философии в коллегии при церкви, в 1811 г. ему было 39 лет, из которых 15 лет он был священнослужителем и 8 лет занимал пост профессора философии⁵⁹. Долгое пребывание Розавена в России, а также доверие, оказанное принцессой де Тарант этому ксендзу, позволяет предположить, что о. Розавен вполне мог быть священником, осуществлявшим таинство крещения над русскими аристократками, а также мог выступать их духовным руководителем.

О крепких связях русской аристократии с французским католическим духовенством свидетельствует организация домашнего воспитания детей гр. Головиной. В России ее дети обучались эмигрантом аббатом Шанкло, по всей видимости, прилагавшим большие усилия к укоренению католического духа в семье графини. В поездке, предпринятой в 1802 г. В.Н. Головиной во Францию, заболела дочь графини (Головина выехала вслед за г-жой де Тарант, вынужденной на какое-то время возвратиться в Париж). Обостренное религиозное чувство заставило тогда Головину обратиться к душеспасительным книгам, о чем она сама повествовала так: «Мой взгляд упал на “День Христианина”, книгу, которую учитель моих детей, аббат Шанкло, подарил мне на память при отъезде. Я открыла ее и увидела следующие строки: “Боже, я хочу того, что Вы хотите, потому что Вы этого хотите и так же, как Вы этого хотите”. Эти слова были для меня Божественным светом и приказанием покорности. Я повторяла эту молитву

несколько раз со все возрастающей горячностью и достигла такой силы в принесении Богу этой внутренней жертвы, что упала на колени»⁶⁰.

Эти же связи с французским духовенством не только не исключали, но прямо подразумевали материальную поддержку французских иезуитов и эмигрантских деятелей прозелитизма со стороны Головиной. Установлено, что многие русские аристократы и дворяне помогали денежными средствами французским эмигрантам – об этом свидетельствует, в частности, неопубликованная переписка кн. Н.П. Голицыной с эмигрантами (с мадемуазель Бине, служившей княгине поставщицей модных туалетов, с мадам де Баши, аббатом Бриссаром, г-ном Делормом, заимодавцами Туртоном и Равелем)⁶¹. Головины, имевшие 100 тыс. руб. годового дохода, кроме содержания в своем доме принцессы де Тарант, жившей и умершей на попечении гр. Варвары Николаевны, осуществляли многочисленные пожертвования на религиозные и благотворительные цели французскому духовенству⁶².

Большинство исследователей склоняются к мысли, что Варвара Головина стала католичкой в 1800 г., т.е. еще в России⁶³. Однако записки графини доказывают, что подлинное знакомство Головиной с католической культурой, латинскими храмами и богослужением произошло в ходе ее путешествия во Францию в 1802–1804 гг. Для вероисповедной характеристики Головиной большое значение имеет описание католической церкви в Риге, которую она посетила проездом в июне 1802 г. Головина писала: «Я выстояла обедню для матери (православную, что опять же доказывает внешнее соблюдение Головиной православной обрядности. – А.А.), потом срисовала великолепный вид с моста, и, увидев на обратном пути в гостиницу католическую церковь, я спросила у моей спутницы (г-жи Больвилье), можно ли туда войти сейчас. – Всегда, – ответила она, – ее никогда не запирают. – Я была поражена бедной простотой этой церкви. Священник стоял на коленях, погруженный в умственную молитву. Невольно я тоже опустила на колени, устремив взор на большой крест, стоявший на алтаре. Тишина и спокойствие, окружавшие меня, наполнили мою душу небесным чувством. С сожалением я встала, чтобы уходить. Священник также встал. Я спросила у него, нельзя ли получить маленьких образков. Он принес мне их. Я предложила ему деньги, от которых он отказался, и я опустила их в церковную кружку. Я возвратилась домой с внутренним спокойствием, которого я давно не испытывала. Я никогда не забуду этой церкви»⁶⁴.

За границей графиня неоднократно присутствовала на мессах (в Париже, Праге и других городах), причем всегда подчеркивала «утешающий» характер католической религии⁶⁵, восхищалась церемониями поклонения Кресту и процессией Тела Господня⁶⁶, посещала католические монастыри (кармелиток и кармелитов в Праге)⁶⁷, участвовала в религиозных беседах с латинским духовенством. Головина близко познакомилась со священником г-ном Шарлем и аббатом Левисом, которые пользовались большим авторитетом и уважением в кружке г-жи де Тарант, аббатом де Булонь, поразившим графиню своим красноречием, о. Гиацинтом и аббатом Эджвортсом⁶⁸. В свою очередь, это свидетельствует о том, что укрепление католических симпатий в семействе Головиной было связано не только с религиозным влиянием французской эмиграции, но и с пребыванием Головиных за границей.

Тем не менее, конфессиональное влияние на гр. Головину французской эмиграции и роялистского общества в Париже не сумело привести ее к окончательному разрыву с православием – Русская православная церковь не воспринималась Головиной как однозначно схизматическая. С большим интересом и религиозным чувством Головина рассказывала о поездках в Свято-Троицкий и Воскресенский монастыри⁶⁹. Принятие католичества не поколебало и горячей любви Головиной к своей родине. Современники сообщают нам о привязанности графини к родным местам в Подмосковье и в Поволжье: «Дочь княгини (П.И. Голицыной), графиня Головина, – писал И.Ф. Тимковский, – любила говорить о сельской жизни, и в описаниях своих владений великолепно изобразила мне Воротинец на Волге»⁷⁰. Покидая в 1802 г. вместе с матерью и младшей дочерью Россию, Головина отмечала: «Как ни чувствуешь себя несчастным в своей

стране, нельзя равнодушно покинуть ее. Оттуда вырываешь себя, а не уезжаешь, и всегда чего-то не хватает счастьем, которым наслаждаешься вне ее: родных могил, родины и отечества, так близкого сердцу»⁷¹. В дальнейшем, описывая свои чувства при посещении могилы своей матери в Калужской губ., Головина изобразила сцену коленопреклонения перед памятником и апсидой православного храма: «Бог был в моей душе, и мои чувства все были проникнуты мыслью о матери»⁷². Не случайно православные пения Головина неизменно признает «священными»⁷³.

В определенной степени записки Головиной обнаруживают размеры конфессионального влияния французской эмиграции, демонстрируя укоренение католических традиций в русских семьях. На значительные масштабы латинского прозелитизма в русском обществе Головина недвусмысленно намекает, касаясь темы изгнания иезуитов из России в 1815 г. Причина данной меры была автору ясна: «Этот суровый акт был вызван опасением совращения православных в католическую веру». Однако сама Головина косвенно свидетельствует о том, что данные опасения не были напрасными: «Это событие привело к тягостным последствиям для многих семейств, и той же причине я должна приписать очень заметную холодность, проявленную императором по отношению ко мне»⁷⁴.

Таким образом, воспоминания гр. В.Н. Головиной представляют собой весьма информативный источник, позволяющий воссоздать реальную картину взаимодействия русской знати и французской эмиграции в области религиозной жизни, а также оценить степень воздействия католицизма на самого автора записок. Истоки католического влияния на русских прозелитов (и в первую очередь, на Головину) следует искать в их религиозно-мистическом складе, в усвоении ими норм западной культуры, в связях русского общества с французским высшим светом, установившихся задолго до французской эмиграции в Москву и Петербург. Усилению конвертизма сопутствовал целый ряд причин (религиозная политика Павла I, нацеленная на привлечение к российской политической жизни иезуитов, учреждение Мальтийских приорств⁷⁵), однако мемуары Головиной доказывают, что французская эмиграция стала не только обстоятельством, способствовавшим установлению в русском дворянстве терпимого отношения к католицизму, но и стимулом для перехода дворян в латинскую веру. Немаловажным фактором возникновения католических симпатий также стала актуализация в российском общественном сознании второй половины XVIII в. сложных идейно-нравственных проблем и исканий, свойственных эпохе Просвещения. Анализируемый мемуарный источник показывает, как нравственные и социально-этические категории в сознании русских православных подданных (такие, как «дружба», «взаимопонимание») обретали религиозный колорит и становились фактором воздействия католицизма на россиян. Распространенной формой католического влияния в России на рубеже XVIII–XIX вв. стало принятие латинского крещения в результате пропаганды эмигрантов, духовных и светских лиц католического вероисповедания, в салонах вельмож. Другой формой конфессионального влияния стало усвоение русскими православными детьми норм католической религиозной культуры в процессе их обучения аббатами и иезуитами. Мемуары Головиной не содержат прямой информации о прозелитизме, однако, с привлечением данных из других источников, воспоминания графини добавляют существенные штрихи в картину проповеднической деятельности французских религиозных деятелей. Мемуары демонстрируют весьма крепкие личные связи Головиной, ее семьи и окружения с «ревнителями католического благочестия» из эмиграционной среды, рисуют социально-политический и психологический фон, на котором происходило религиозное взаимодействие русской православной аристократии с эмиграцией. Воспоминания графини позволяют судить об особенностях восприятия католицизма автором и позиционировать данные особенности как одну из моделей восприятия католицизма общественным сознанием в России (в силу схожих обстоятельств обращений в католичество Головиной и других русских прозелитов). Воздействие католицизма на Головину не простиралось дальше осознания собственной духовной и эмоциональной близости к вероучению Римско-католической церкви и не подразумевало фанатизм в испове-

дании новой веры. Головиной импонировал сам дух католической церкви, атмосфера ее культа, однако догматические отличия православия и католичества не становились предметом размышлений автора. Православие осознавалось Головиной как религия, могущая привести к спасению (хотя и предоставляющая несравненно меньше возможностей для этого), а потому полный отказ Головиной от православной культуры и православных ценностей так и не произошел. Патриотические чувства, испытываемые Головиной, не помешали ей стать неопитом латинской церкви, однако и католицизм не сумел перебороть в авторе мемуаров чувство гордости за свою национальную культуру. Записки Головиной свидетельствуют о том, что католический конвертизм стал возможен благодаря европеизации русского общества и установлению разнообразных связей с иноверцами (в том числе французскими эмигрантскими кругами), однако отсутствие фанатизма в исповедании католичества русскими подданными было напрямую связано с осознанием величия и самобытности российской национальной культуры.

Примечания

¹ Дореволюционные исследователи по-разному определяли годы жизни В.Н. Головиной. Одни считали годом ее рождения 1756 г. (Н.Н. Голицын), другие (их большинство) – 1766 г. (Е.С. Шумигорский, К. Валишевский). В датировке смерти графини также наблюдаются разночтения: называются 1819 г. и 1820 г. (Е.С. Шумигорский). В современной литературе принята датировка, предложенная К. Валишевским, который определил годы жизни Головиной как 1766–1821 гг. См.: Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000. С. 42; Род князей Голицыных. Материалы родословные. СПб., 1892. С. 345; Большая энциклопедия. В 62 т. Т. 12. М., 2006. С. 495.

² Записки гр. В.Н. Головиной // Исторический вестник. СПб., 1899. № 1–12; *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991. С. 156–157.

³ См.: *Шумигорский Е.* Предисловие к «Запискам графини В.Н. Головиной» // Исторический вестник. СПб., 1899. Т. LXXV. № 1. С. 39–55; В 1900 г. на основе журнальных публикаций Е.С. Шумигорский издал мемуары Головиной отдельной книгой: *Головина В.Н.* Записки графини В.Н. Головиной (1766–1819). Пер. с франц. СПб, 1900.

⁴ Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной (1766–1821). М., 1911.

⁵ См., напр.: *Александрова Н.В.* Любовь и дружба в русской дворянской культуре рубежа XVIII–XIX веков (по источникам мемуарного характера) // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. Челябинск, 1999. № 2. С. 34.

⁶ Напр.: Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000. С. 45–347; *Головина В.Н.* Мемуары. М., 2005.

⁷ *Андреев А.Н.* Католицизм и общество в России XVIII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004. С. 198.

⁸ Там же. С. 109, 116–117.

⁹ *Морошкин М.Я.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. Часть первая, обнимающая историю иезуитов в царствование Екатерины Великой и Павла I. СПб., 1867. С. 493–494.

¹⁰ *Ростопчина Л.А.* Семейная хроника. М., 1912. С. 98; *Морошкин М.Я.* Указ. соч. С. 494.

¹¹ См.: *Андреев А.Н.* Указ. соч. С. 116–117; *Ростопчина Л.А.* Указ. соч. С. 97–98.

¹² О том, как ширилось католическое движение (инициированное во многом французской эмиграционной волной) среди русской аристократии в первой половине XIX в. см.: *Gagarin J.* Tendances catholiques dans la société Russe par le prince J. Gagarin, S.J. P., 1860. P. 32–37.

¹³ Род князей Голицыных. Материалы родословные. СПб., 1892. С. 345.

¹⁴ *Шумигорский Е.* Указ. соч. С. 39.

¹⁵ Там же. С. 40.

¹⁶ Там же. С. 41.

¹⁷ *Чарторижский А.* Мемуары. М., 1998. С. 40.

¹⁸ Записки Ильи Федоровича Тимковского // Русский архив. М., 1874. Кн. 1. Стб. 1439–1465.

¹⁹ Там же. Стб. 1451.

²⁰ *Шумигорский Е.* Указ. соч. С. 47.

²¹ Там же. С. 47.

²² ОР РГБ, ф. 64 (Вяземы), к. 84, ед. хр. 31, л. 1 об.

- ²³ Там же, л. 1.
- ²⁴ *Старосельская-Никитина О.А.* Из архива Голицыных // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. VII. Французская буржуазная революция 1789–1794 гг. М., 1941. С. 35; *Мильчина В.А.* Записки «пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии. Сб. науч. трудов. Вып. 22. Л., 1988. С. 137.
- ²⁵ ОР РГБ, ф. 64 (Вяземы), к. 84, ед. хр. 31, л. 1–1 об.
- ²⁶ *Головина В.Н.* Мемуары. С. 179; ср.: Предисловие К. Валишевского // Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. С. 33.
- ²⁷ *Мильчина В.А.* Указ. соч. С. 139.
- ²⁸ *Карабанов П.Ф.* Списки замечательных лиц русских. М., 2000. С. 56; Список придворных чинов XVIII в. // *Сухарева О.В.* Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М., 2005. С. 685.
- ²⁹ *Головина В.Н.* Мемуары. С. 180.
- ³⁰ *Канторович И.В.* Салон И.И. Шувалова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1996. № 4. С. 63.
- ³¹ Записки Ильи Федоровича Тимковского. Стб. 1462.
- ³² *Шумигорский Е.* Указ. соч. С. 47–48.
- ³³ *Головина В.Н.* Мемуары. С. 231.
- ³⁴ Там же. С. 192.
- ³⁵ См.: *Андреев А.Н.* Указ. соч. С. 95–143.
- ³⁶ *Ростопчина Л.А.* Указ. соч. С. 7, 97–98.
- ³⁷ *Головина В.Н.* Мемуары. С. 146, 149.
- ³⁸ Там же. С. 146–149.
- ³⁹ Там же. С. 148–149, 165. В издании записок В.Н. Головиной 2000 г. латинские термины переведены на русский язык. См.: Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. С. 144–145, 156.
- ⁴⁰ *Головина В.Н.* Мемуары. С. 165.
- ⁴¹ *Александрова Н.В.* Указ. соч. С. 39–41.
- ⁴² *Головина В.Н.* Мемуары. С. 215.
- ⁴³ Там же. С. 396–397.
- ⁴⁴ Там же. С. 401.
- ⁴⁵ Предисловие К. Валишевского // Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. С. 38; *Чарторижский А.* Мемуары. С. 40.
- ⁴⁶ *Шумигорский Е.* Указ. соч. С. 48.
- ⁴⁷ *Головина В.Н.* Мемуары. С. 205, 229, 234, 374.
- ⁴⁸ Там же. С. 262.
- ⁴⁹ Подробно о деятельности иезуитского коллегиума см.: *Ханковска Р.* Храм святой Екатерины в Санкт-Петербурге. СПб., 2001. С. 58–61; Любопытно, что воспитанником иезуитского коллегиума являлся П.А. Вяземский, представивший в своих стихотворных произведениях ректора коллегиума ксендза Анджея Чижа («Патера Чижа») заботливым педагогом. См., напр.: *Вяземский П.А.* Послание к Дмитрию Петровичу Северину // *Вяземский П.А.* Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 104.
- ⁵⁰ *Головина В.Н.* Мемуары. С. 385.
- ⁵¹ Головина указывает, что в ее обществе находился «превосходный кавалер д’Огард», наряд с гр. Толстой и ее родственниками. См.: *Головина В.Н.* Мемуары. С. 223.
- ⁵² *Pingaud L.* Les Français en Russie et les Russes en France. L’ancien régime. L’émigration. Les invasions. P., 1886. P. 311; *Морошкин М.Я.* Указ. соч. С. 263.
- ⁵³ *Морошкин М.Я.* Указ. соч. С. 264.
- ⁵⁴ Там же. С. 494.
- ⁵⁵ *Головина В.Н.* Мемуары. С. 215.
- ⁵⁶ Там же. С. 215.
- ⁵⁷ Там же. С. 261–262.
- ⁵⁸ Там же. С. 398–400.
- ⁵⁹ «Ведомость» хранится: РГИА, ф. 821, оп. 144, д. 119, л. 313. Цит. по: *Ханковска Р.* Указ. соч. С. 60.
- ⁶⁰ *Головина В.Н.* Мемуары. С. 270.
- ⁶¹ См.: Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. VII. Французская буржуазная революция 1789–1794 гг. С. 35; Речь идет об оплате векселей и выдаче заемных писем в несколько десятков тысяч ливров: ОР РГБ, ф. 64 (Вяземы), к. 84, ед. хр. 13, л. 2–4; ед. хр. 14, л. 2–2об.; ед. хр. 15, л. 3; ед. хр. 16, л. 2; ед. хр. 17, л. 6.

⁶² Шумигорский Е. Указ. соч. С. 48; Головина В.Н. Мемуары. С. 231.

⁶³ Никитин С.А. Предисловие редактора // Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. С. 12; Шумигорский Е. Указ. соч. С. 48.

⁶⁴ Головина В.Н. Мемуары. С. 267–268.

⁶⁵ Головина посетила мессы в церкви Сен-Сюльпис в Париже, в церкви на кладбище Пикпус, в кафедральном соборе в Праге, побывала в католических капеллах и мавзолеях католических святых в Марбурге и Меце. См.: Головина В.Н. Мемуары. С. 284, 289, 290, 354–356, 364.

⁶⁶ Там же. С. 304, 308–309.

⁶⁷ Там же. С. 364–365.

⁶⁸ Там же. С. 314, 316, 329–330, 333–334, 368.

⁶⁹ Там же. С. 169.

⁷⁰ Записки Ильи Федоровича Тимковского. Стб. 1463.

⁷¹ Головина В.Н. Мемуары. С. 268–269.

⁷² Там же. С. 372.

⁷³ Там же. С. 265.

⁷⁴ Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. С. 342; Головина В.Н. Мемуары. С. 410–411.

⁷⁵ Григорьев С.Л. Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 82, 137.

© 2010 г. Р. Б. БУТОВА*

ПАЛОМНИЧЕСТВА ЧЛЕНОВ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Система внешнеполитических связей и отношений европейских держав, с неизменно высоким удельным весом династического родства и личного общения монархов, в XIX – начале XX в. постоянно учитывала и использовала семейные и религиозные традиции. Почти любая зарубежная поездка высочайших персон, с «домашними» или «духовными» целями, могла одновременно оказаться и важной политической акцией. Не говорю: только политической, но с большой частотностью *и политической*. Это полностью относится и к актам религиозного паломничества.

С середины XIX в. в активную зону конфликта европейских интересов включается Ближний Восток. Лондонские конвенции 1840–1841 гг. ознаменовали переход от эпохи единоличного покровительства христианскому населению Османской империи со стороны России к так называемому «европейскому концерту». Новые паломнические тропы многочисленных великих и малых правящих домов Старого и Нового света скрещиваются теперь в Иерусалиме, приводя на память европейцам времена королей-крестоносцев (Ричарда Львиное Сердце, Фридриха Барбароссы или Фридриха II Гогенштауфена), русским – древние княжеские хождения дома Рюриковичей: в 1099 г. в освобожденном крестоносцами Иерусалиме окончила свои дни княгиня Гита Гаральдовна, жена Владимира Мономаха¹, в 1167 г. прибыла на богомолье в Святой Град, чтобы умереть и быть похороненной в нем, княжна-подвижница Евфросиния Полоцкая, просветительница Белоруссии².

Очевидным образом, в XIX в. любое из августейших паломничеств в Святую Землю было связано с задачами внешней политики, каждое влекло за собой длинный шлейф политических, экономических и гуманитарных последствий, – то, что академик

* Бутова Ритта Борисовна, заместитель Управляющего делами Императорского Православного Палестинского Общества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 08-01-00184а).